

ОТЗЫВ

официального оппонента Юдина Кирилла Александровича на диссертацию Просоловой Екатерины Викторовны «Реализация государственной политики идеологического противоборства в СССР на примере художественного кинематографа (1946–1991 гг.)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история

Актуальность темы диссертационного исследования, представленного Екатериной Викторовной Просоловой, не вызывает сомнений, это верифицировано и на теоретико-методологическом, и на общественно-политическом уровне. Совершенствование гносеологического, понятийно-категориального аппарата, появление новых исторических источников, прежде всего, личного происхождения, имагологического подход, открывают масштабные и справедливо обозначенные соискателем перспективы для исследования состояния массового сознания. Не менее значимым фактором актуальности становится и современная геополитическая ситуация, связанная с продолжением информационных войн, представлениями о начале «новой холодной войны», эскалации противоборства, что объективно требует дополнительной рефлексии государственной политики в сфере культуры, агитационно-пропагандистских технологий власти, направленных на обеспечение безопасности и цивилизационной идентичности. В связи с этим положением предельно убедительным становится обоснование **новизны** диссертационного исследования, заключающегося в стремлении «системно проанализировать историю советской государственной идеологической политики в сфере художественной кинематографии» (С. 29).

Это вполне логично вытекает из предпринятого соискателем историографического обзора, проработки масштабного корпуса отечественной и зарубежной литературы, ее классификации по проблемно-тематическим блокам. По итогам анализа степени изученности делаются промежуточные выводы, что «проанализированный историографический комплекс свидетельствует об отсутствии единого подхода к феномену использования советского кинематографа в качестве средства пропаганды эпохи холодной войны» (С. 20).

Это стало конструктивным стимулом для самостоятельного выбора интеллектуальной траектории, связанной с обращением к таким аспектам, как функционирование кинопрокатной сети, прояснением репертуарной политики, сопряженной с деятельностью профильных ведомств – Гостелерадио, Госкино СССР, в/о «Совэкспортфильм», Союза кинематографистов СССР, а также партийно-государственных структур. Тем самым, соискателю удалось выявить позицию кинематографического сообщества, динамику внутрикорпоративной и международной (советско-американской) коммуникации, организационно-производственной системы, обеспечивающей использование кинематографа в качестве инструмента для долгосрочного информационно-идеологического воздействия. Безусловно, по этой причине диссертационное исследование обладает **теоретической и практической значимостью**, его результаты способствуют углублению знаний о средствах агитации и пропаганды, государственной политики в сфере кинематографии в условиях геополитической напряженности, востребованы в историко-просветительской, музейной, учебно-методической деятельности в системе высшего образования и других учреждениях.

Не вызывают сомнения географические, хронологические рамки исследования, очерченные «классическими» границами «холодного» противостояния. Обоснованной представляется корреляция между объектом и предметом исследования, в состав которого автор помещает именно художественный кинематограф, не затрагивая документальное кино и другие разновидности медиапродукции.

Это обусловило тщательно продуманную композицию исследования. Оно состоит из традиционных компонентов – введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, библиографии, приложений. Особо ценным можно считать фильмографию, преломляющуюся через призму восприятия соискателем советской медиасферы, направленную на обоснование взаимосвязи «между формированием новых элементов в структуре конфронтационных

фильмов и этапами развития взаимоотношений СССР и США на протяжении холодной войны» (С. 31).

Всё это правомерно рассматривать как индикатор существенного **личного вклада** диссертанта в разработку заявленной проблематики, который также отражен в публикационной активности Е.В. Просоловой. Основные положения представленной к защите работы отражены в 15 научных публикациях автора. Пять из них опубликованы в ведущих рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, две статьи индексированы в международной наукометрической базе Scopus («Скопус»). Кроме того, автор принимал участие в значимых форумах – международных и всероссийских конференциях, на которых также успешно были апробированы результаты представленного диссертационного исследования.

Не вызывает возражений выбор автором **теоретико-методологической парадигмы** и ориентиров исследования, подчиняющегося, как показано в тексте работы и автореферате, принципам историзма, системности и научной объективности. Привлечены сравнительно-исторический метод, необходимый для изучения специфики ведомственного управления кинематографом на различных этапах «холодной войны», задействованы историко-типологический и проблемно-хронологический, раскрывающий типологию и структуру пропагандистского контента. Не менее важными и значимыми выступают историко-психологический, коммуникативные подходы, требующийся для прояснения мотивов тех или иных действий, поведенческой модели представителей власти или кинематографического сообщества.

Обоснованность и достоверность научных положений диссертации продемонстрирована в привлечении внушительной **источниковой базы**. Автором изучен широкий пласт неопубликованных (архивных данных), в числе которых присутствуют материалы центральных архивохранилищ – Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) и его специ-

альных фондов (Ф. 2944 – Госкино СССР, ф. 2456 – Министерства кинематографии СССР, ф. 2936 – Союз кинематографистов СССР, а также редакция журнала «Искусство кино»), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), а также Архива внешней политики Российской Федерации. Используются автором и иные материалы – источники личного происхождения – мемуары партийных и государственных деятелей, деятелей культуры и кинематографии. Важным видом источников выступает периодическая печать, отражавшая динамику событий, рейтинг фильмов, мнение зрителей, и художественные фильмы как непосредственно воплощение кинопроизводственного процесса. Демонстрирует знакомство диссертант и с известными публикациями источников, сборниками документов. Всё это позволило соискательнице прийти к самостоятельным и научно-значимым выводам, обладающим полнотой и достоверностью.

Диссертация Е.В. Просоловой в полной мере **соответствует паспорту специальности 5.6.1.** – «Отечественная история» и следующим положениям: 9. История общественной мысли. Интеллектуальная история. Историческая имагология. История образования и образовательных институтов; 12. История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов; 23. Россия в крупнейших международных конфликтах; 24. История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения.

Во введении присутствуют все необходимые компоненты – актуальность, новизны, цели, задачи исследования, теоретическая и практическая значимость, источниковедческий и историографический разделы, положения, выносимые на защиту. Библиографический список насчитывает более 200 (литература), а в общей сложности более 500 позиций – единиц источников и литературы. Объем работы соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям. Текст автореферата репрезентативно отражает содержание введения и основного текста диссертации.

Первая глава посвящена художественному кинематографу в системе советской пропаганды периода «холодной войны». В первом параграфе диссертантка рассматривает генезис, административно-политические и общие организационные основы советского пропагандистского аппарата, справедливо отмечая, что его становление началось еще на раннем этапе Советской государственности. Это нашло отражение как в позиции лидеров страны, обозначивших востребованность кинематографа как средства пропаганды, так и в решениях партийных форумов, в частности – XIII съезда РКП(б), Первом Всесоюзном партийном совещании по кинематографии (1928 г.).

Значительной вехой и фактором развития пропаганды средствами кинематографа стал военный, связанный с Великой Отечественной войной и затем последовавшим «холодным» противостоянием. Непростые взаимоотношения союзниками по антигитлеровской коалиции (США, Великобританией), стремление сохранить собственные информационно-идеологические рубежи, как резонно показывается в работе, еще до завершения Великой Отечественной войны привели к состоянию напряженности на культурном фронте.

При этом представляется обоснованным, что соискательница в данном разделе не выходит существенно за хронологические рамки. Основное внимание, в соответствии с предметной заданностью, уделяется обзору трансформаций системы пропаганды уже со второй половины 1940-х гг. Выделяются акторы государственной политики идеологического противоборства: Отделы ЦК ВКП(б)–КПСС – пропаганды и агитации, внешней политики (внешних сношений), внешнеполитической пропаганды, их переименования; различные комиссии (Комиссия ЦК КПСС по связям с иностранными коммунистическими партиями), а также деятельность которых носила эпизодический характер (Внешнесполитическая комиссия ЦК ВКП(б), Идеологические комиссии конца 1950 – середины 1960-х гг.).

Предложена периодизация институциональных реорганизаций, продиктованных как внутренними причинами, так и внешнеполитическими вызовами, рассматривается роль секретарей ЦК (М.А. Сулова, М.В. Зимянина) и

кадровой политики в обеспечении пропагандистской работы (С. 45), делаются выводы об амбивалентном характере управления пропагандой, обусловленным лавированием между государственным прагматизмом и идеологической принципиальностью, что на всех этапах осложнялось межведомственной борьбой, конкуренцией, приобретшей, особенно в годы перестройки, наиболее драматичный характер, когда «подобная обстановка пагубно отражалась на сфере печати, культуры, науки» (С. 49).

Во втором параграфе продолжено, уже на более детальном уровне, изучение сложных вопросов институциональных трансформаций, непосредственно затрагивающих киноотрасль. К их числу относится формирование профильного Министерства кинематографии по главе с И.Г. Большаковым, затем – после смерти И.В. Сталина – особая роль Министерства культуры СССР в контроле над кинопроизводственным процессом, а также Гостелерадио СССР. Отмечено появление новых структурных компонентов – студий «Телефильм», творческого объединения «Экран», что было связано с «быстрым развитием советского телевидения» (С. 56).

С появлением Государственного комитета СМ по кинематографии СССР (1963), как справедливо отмечает диссертантка, усилилась конкуренция между двумя этими ведомствами (Госкино, Гостелерадио), особенно – «на фоне личной неприязни между министрами кино и телевидения» (С. 60). Действительно, личный фактор, авторитет или его отсутствие, но замененные администрированием со стороны влиятельных функционеров – С.Г. Лапина, Н.Н. Месяцева, А.В. Романова, Ф.Т. Ермаша, В.Е. Баскакова – в значительной степени был определяющим для развития советской киноиндустрии, в том числе и ее экономической базы (С. 61).

Особый интерес составляет позиция и творческое, интеллектуальное самочувствие представителей кинематографической, интеллигенции, которое уже отчасти затрагивается во втором параграфе при исследовании инициатив, исходивших от Союза кинематографистов СССР (С. 57), но подвергается тщательному рассмотрению в третьем параграфе второй главы. Действительно,

некоторые деятели киноискусства так и не сумели адаптироваться к новым сложившимся условиям «оттепели», критиковались современниками и новым поколением, и по этой причине так и ассоциировались как мастера сталинской эпохи (Г.В. Александров, М.Э. Чиаурели, А.М. Роом), после ее завершения практически отошли от дел (С. 71, 72). Это было связано, как верно отмечается в исследовании, и с другими факторами – расширением международных связей, контактов в сфере кинематографии, выходявшей на новый уровень как в жанрово-стилистическом, так и идейно-интеллектуальном плане, о чем свидетельствует эскалация конфронтации в период перестройки, V съезд кинематографистов и другие значимые события (С. 77).

Во второй главе диссертационного исследования рассматриваются формы и методы идеологического воздействия в советском кинематографе. *В первом параграфе* сосредоточено внимание на конкретной проблеме – прокате и трансляции советских художественных фильмов. В разделе продолжают изучаться институциональные акторы – функционирование профильных структур – Главкинопроката и Главкинофикации, приводятся статистические данные о развитии кинематографической инфраструктуры – кинотеатров, киноустановок, делаются выводы о том, что спады и подъемы посещаемости кинотеатров зависели от колебания геополитикой и внутренней конъюнктуры (малокартинье, соперничество между Гостелерадио и Госкино), региональной специфики – непригодности помещений в сельской местности для организации кинопоказов (С. 87, 91), влиявшей на активности советских граждан в приобщении как к отечественному, так и зарубежному кинематографу. *Во втором параграфе* обстоятельному изучению подвергаются международные связи СССР и кинообщества с зарубежными странами, показывается ведущая роль в/о «Совэкспортфильм», «Совинфильм», международных кинофестивалей в культурной дипломатии, в рамках которых награды, премии – признания советских кинопроизведений, открытие представительств данных организаций как в развивающихся странах, так и капиталистических, рассматри-

валось как показатель успешного экспорта социализма и его ценностей, поскольку при продвижении советских фильмов за рубежом «всячески подчеркивалась их политическая и идейная направленность» (С. 103). Обозначена специфика советско-американских отношений как фактор идеологической борьбе на медиапространстве, что непосредственно отражает тематику диссертационного исследования.

В третьем параграфе исследованию подвергается реакция зрительской аудитории на политику идеологического противоборства, что как, резонно отмечает диссертант, выступает необходимым для «анализа эффективности пропаганды» (С. 112). Соискателем с привлечением историографии обосновано констатируется о наличии своеобразных «качелей», от которых в определенной степени зависела политика в сфере кинематографии, когда ответственным за нее ведомствам приходилось реагировать на критику и «сверху» и «снизу», лавировать между предпочтениями советского зрителя, выдвигавшего свои идеалы и в отечественной и зарубежной кинопродукции (С. 117).

Третья глава диссертационного исследования посвящена идеологическим концептам советского художественного кинематографа. *В первом параграфе* рассматриваются основные направления «идеологического противоборства», делаются обоснованные выводы о том, что «методом актуализации пропагандистского дискурса являлась кинокритика» (С. 141), приобретающая конфронтационный характер, что проявлялось в реакции руководства СССР на западные фильмы, признаваемые враждебными, «антисоветскими», инспирировании их критики в СМИ. *Во втором параграфе* раскрываются имагологические аспекты. Соискателем показывается динамика репрезентации и восприятия образа врага / другого в кинематографе и зрительской аудиторией на разных этапах развития советской государственности. *В третьем параграфе*, анализируя трансформации идеологического дискурса, диссертант включает сравнительно-исторический компонент, отмечая некоторые особенности функционирования пропагандистского аппарата США (С. 161), что также оправданно для воссоздания полноты картины.

В заключении подводятся итоги исследования, в полной мере отражающие полученные, в соответствии с поставленными целями и задачами, результаты. В то же время, несмотря на высокий, фундированный уровень диссертационного исследования, следует указать на его некоторые *недостатки*, которые могут быть учтены в рамках дальнейшей разработки проблематики.

1. *Историография во введении.* Диссертанту следовало бы более четко структурировать зарубежную историографию, возможно, создать, в соответствии с выбранным принципом систематизации, отдельный проблемно-тематический блок, как для улучшения ее восприятия, так и, чтобы избежать определенных погрешностей, например, связанных с транскрипцией западных авторов. Например, профессор Вермонтского университета (США) Дениз Янгблад в диссертации обозначена как Янгблюд (С. 19). Кроме того, весьма дискуссионными и требующими верификации могут показаться вытекающие из изначальной структуры зарубежной историографии формулировки о том, что отдельные работы (П. Кенеза) стали сразу «новым этапом комплексного изучения американской и советской кинопропаганды». (С. 18). Критический подход можно было усилить и к новейшей российской историографии, показать уязвимость творческой лаборатории В.И. Фомина, что обозначил М.М. Гершзон (Гершзон М.М. *Летопись российского кино. Научная монография // Отечественные архивы.* 2016. № 4. С. 124–127), а также более углубленно рассмотреть вклад диссертационных исследований, в частности, Н.А. Маркова, непосредственно и детально затрагивавшего институциональные сюжеты, управленческий процесс 1960–1980-х гг.

2. *Источниковедческие аспекты.* Речи, выступления, доклады статьи, заметки и другие материалы, исходящие от политических деятелей и возникшие в связи с конкретными обстоятельствами – выступают, не самостоятельным видом, а разновидностями *публицистических источников* – так их следовало обозначить во введении и библиографии согласно общепринятой классификации (М.Ф. Румянцева, О.М. Медушевская и др.). Кроме того, в списке источ-

ников вряд ли оправданным является условное деление опубликованных источников на «документы ВКП(б)–КПСС» и «документы органов государственной власти» (С. 181–184), поскольку, например, упоминаемый сборник (Лубянка. Сталин и МГБ. Март. 1946 – март 1953 г.: Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2007), как и многие другие, помещенный во вторую категорию, включает априори документацию и партийной, и государственной власти, тем самым, отражая специфику управления, связанные с их сращиванием, тесным взаимодействием.

3. Определенным упущением можно считать то, что в диссертации не уделяется внимание теориям политического контроля, а также историографии сталинизма и как направления исторических исследований, и как библиографическому феномену, выраженному в известной серии издательства «РОССПЭН». Не упоминаются ни конференции, проводившиеся в течение 10–15 лет в разных городах, ни некоторые труды ведущих исследователей по периоду 1945–1953 гг. Например, в списке литературы нет монографии О.В. Хлевнюка и Й. Горлицкого «Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011). Во-первых, в упомянутой «серии» встречаются публикации непосредственно по кинематографу, пропаганде (См., например: *Титаренко Е.Ю.* Образ Донбасса в советском послевоенном кинематографе, 1945–1950 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. Материалы VII Международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М.: РОССПЭН, 2015. С. 359–367). Во-вторых, поздний (и не только) сталинизм выступал системным внутренним фактором (превалирование которого признает и диссертант на протяжении всего исследования) генерации атмосферы идеологической напряженности. Кампании, дела, процессы, репрессивные атаки (а не просто «чистки»), работавшие на закрепление сталинской диктатуры в послевоенный период, приобрели гораздо больший травматический эффект и сказались на здоровье и творческом самочувствии представителей кинообщества и после 1953 г.

4. В связи с этим хотелось бы порекомендовать диссертанту увеличить объем цитат из «знаковых» документов, чтобы лучше воспроизвести колорит эпохи. Например, известный «План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время» (1949) и публицистические материалы содержали аутентичные имагологические установки, там перечислялись качества образа врага и направления его системного «разоблачения», дегуманизации. Все это в целом способствовало бы «оживлению» исследованию, избавлению от некоторой схематичности. Так, о существовании постановления Совета Министров СССР № 1003 упоминается 3 раза (С. 63, 111, 137). При всей справедливости выводов о том, что «период оттепели в культуре был кратковременным» (С. 131), «следствием разрядки стало ослабление, а в дальнейшем исчезновение пропагандистского дискурса» (С. 163), нужно принимать в расчет не только «тематическое планирование» (С. 141), а то, что на системном уровне многие идеологические, пропагандистские, имагологические структуры (в годы перестройки образ США включал в себя элементы и «чужого», и «другого», и «партнера») не имели отчетливого завершения, а эклектично существовали, обусловленные иррациональностью тоталитарной модели контроля и управления, менталитетом партийной номенклатуры, генерационным фактором и т.п.

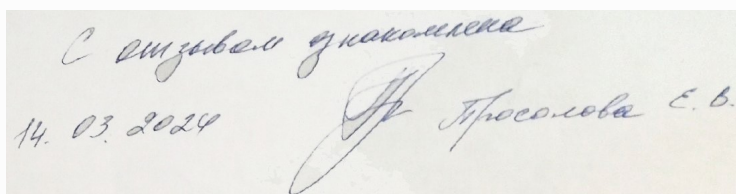
В то же время, высказанные замечания ни в коей мере не умаляют положительного впечатления и оценки диссертационного исследования, выполненного на высоком, профессиональном научно-аналитическом уровне. Высказанные пожелания носят рекомендательный характер, адресованы не только диссертанту, но обращены ко всему историческому сообществу, специалистам в этой сфере, и являются *историографический прогноз – диагностику незавершенности осмысления и необходимости дальнейшего изучения данной проблематики, ее концептуального расширения.*

Диссертационное исследование Е.В. Просоловой отвечает требованиям, предъявляемым ВАК РФ к кандидатским диссертациям, соответствует пп. 9–14 действующего «Положения о присуждении ученых степеней»,

утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842. Автор диссертации – Просолова Екатерина Викторовна заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

Отзыв дан в Диссертационный совет 24.2.320.01 на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

11.03.2024 г.

С отзывом согласна
14.03.2024
Е.В. Просолова

Официальный оппонент:

кандидат исторических наук
(специальность 07.00.02 – Отечественная история),
доцент кафедры истории и культурологии
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
химико-технологический
университет» (ИГХТУ)

Кирилл Александрович Юдин

Подпись доцента Юдина К.А. заверяю
Проректор по науке и инновациям
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
химико-технологический университет» (ИГХТУ),
доктор химических наук, доцент

А.А. Гушин

Почтовый адрес: 153000, г. Иваново, Шереметевский проспект, 27.
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет» (ИГХТУ), Гуманитарный институт.
Раб. тел.: 8(4932) 30-04-84.
E-mail: hum-inst@isuct.ru; kirill-yudin.hist@mail.ru